

ТИПОЛОГИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛЕГАЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

В 70–90-е гг. XIX в. вопросы о том, что представляет из себя так называемая передовая русская интеллигенция [1], какова ее социальная природа и практических задачи не сходили со страниц прогрессивной печати. Поводом для постановки и обсуждения этих вопросов стало развитие в стране народнического движения. И хотя субкультура интеллигенции формировалась под влиянием различных течений русской мысли (начиная со славянофилов и западников), именно народничество явилось первой развернутой и теоретически обоснованной формой выражения интеллигентского самосознания. На сочинениях А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского (общепризнанных «отцов» народничества), а также их последователей, начиная с П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского выросли идейно, обретая стройную систему взглядов, по крайней мере, два поколения демократической интеллигенции – 1870-х и 1880-х гг.

В литературе по истории общественной мысли дореволюционной России споры о том, действительно ли русские народники олицетворяли собой новую общественную силу, новый тип интеллигентного человека, неизвестный в Западной Европе, неоднократно становились предметом научного изучения [2]. Однако в поле зрения исследователей попали научно-публицистические труды далеко не всех народнических теоретиков.

Данная статья призвана привлечь внимание исследователей на те приоритеты в разработке социально-этической и социально-экономической концепций интеллигенции, которые имели идеологи легального народничества В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенский и др.

Слово «интеллигенция» происходит от лат. *intelligens* – знающий, понимающий, разумный [3, 610–628]. В русский язык оно попало не позднее 30-х гг. XIX в. и первоначально использовалось как философский термин (умственная сила). Когда В. А. Жуковский писал о «гигантской интеллигенции» какого-либо человека, он имел в виду его способности к мыслительной деятельности. Но в таком значении понятие «интеллигенция» употреб-

лялось примерно до начала 1870-х гг., когда под влиянием развития в стране общественного движения оно приобрело совершенно другое, социальное содержание [4, 7–8]. В пореформенной России под интеллигенцией начинают понимать *особую общественную силу*, которая заявляет о себе как о носительнице исторического, нравственного и иного самосознания общества, творце новых социальных форм и этических идеалов. Не случайно в крупных иностранных словарях (Оксфордском, американском Уэбстеровском, французском «Ларусс») указывается на русское происхождение слова «интеллигенция» и в его расшифровке акцент делается не на занятиях интеллигенцией умственным трудом, а на ее независимом мышлении и оппозиционности существующему в стране политическому режиму [5, 199].

Кому принадлежала честь изобретения нового слова, точно неизвестно. Долгое время считалось, что П. Д. Боборыкину, о чем он публично заявил в 1904 г., сославшись на один из своих романов 1866 г. [6, 80]. Однако специальные исследования филологов и историков «отцовство» писателя не подтверждают. Установлено, что еще в 1863 г. об интеллигенции в собирательном смысле писал И. С. Аксаков [7, 384–386]. Дальнейшее изучение этого вопроса наверняка откроет и другие имена, но это мало что изменит. Дело в том, что в 60-е г. XIX в. новое значение термина «интеллигенция» еще не прижилось и те же Аксаков и Боборыкин применяли его в разных смыслах. Поэтому логичнее рассматривать кристаллизацию понятия «интеллигенция» как продукт коллективного творчества целой плеяды писателей и публицистов, в которую обязательно надо включить Н. В. Шелгунова, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко, И. И. Каблицу и Л. Е. Оболенского.

В 70-е г. XIX в. народничество превращается в массовое общественно-политическое движение. Для консолидации своих сил, разрозненных по многочисленным кружкам и группам, народникам необходимо было самоопределиваться: кто мы, что мы должны делать, кто наши друзья и враги? А всякая самоидентификация, в данном случае вы-

работка общей программы действий, начинается с самоназвания.

Чем приглянулось слово «интеллигенция» Лаврову, Шелгунову, Оболенскому и другим публицистам, активно тиражировавшим его в своих статьях [8], однозначно сказать трудно. Многим народникам оно вначале не нравилось из-за своей растяжимости и неопределенности. Кривенко еще в 1881 г. сетовал на то, что к слову интеллигенция «мы не привыкли и... придаем (ему. – Г. М.) то политический, то экономический, то образовательный смысл...» [9, 107]. Ему вторил П. В. Засодимский: «мы избегали употреблять последнее слово, т. к. оно ныне толкуется вкривь и вкось, то смешиваясь с понятием о человеке грамотном, то – с понятием о человеке, носящем платье... немецкого покроя, то – с понятием о человеке, разъезжающем в каретах...» [10, 50].

Слово «интеллигенция», писал либеральный историк и публицист Е. П. Карнович, «...звуча громко, не представляет ничего ни выясненного, ни определенного. Это-то самое свойство и дает возможность играть таким словом как угодно, и применять его как кому заблагорассудится». Далее он заметил, что в переводе с латинского языка это слово означает только врожденные умственные способности человека и ему неизвестно, какой «плохой латинист» мог придать ему новый смысл. Но как бы то ни было, «нам приходится принять слово “интеллигенция”... в том значении, какое придают ему у нас ныне, т.е. подразумевать под ним людей образованных более или менее в европейском духе...» [11].

К началу 80-х гг. XIX в. слово «интеллигенция», как бы в пику трактовке его радикалами, все чаще начинает употребляться в качестве синонима «образованного общества». И хотя Шелгунов очень энергично доказывал, что «для интеллигента еще мало одного перевеса умственной деятельности над мускульной, а нужно еще известное содержание, известный цвет мысли» [8, 72], в словаре В. И. Даля (издание 1881 г.) «интеллигенция» определялась как наиболее образованная и умственно развитая часть жителей [12, 46]. А «в эту яму, – по меткому замечанию М. А. Протопопова, – вали чего хочешь»: и писателей, и ученых, и помещиков, и чиновников [13, 129].

Тем не менее, представители демократического лагеря использовали для «отделения друзей и врагов» именно слово «интеллигенция». Даже Михайловский (не очень большой любитель новых слов) в конце концов признал его право гражданс-

тва. «Не Бог знает, конечно, какая находка это слово, но...», – замечает публицист, – нигде в Европе подобное слово не употребляется в смысле определения общественной силы... А если слово привилось, и еще вдобавок такое нескладное, неуклюжее слово, как “интеллигенция”, так значит оно соответствует какой-то настоящей потребности... Должно быть, оно в самом деле нужно. И, конечно, нужно» [14].

На наш взгляд, решающим оказались здесь два обстоятельства. Во-первых, слово «интеллигенция» носило действительно собирательный характер и могло заменить все встречавшиеся ранее самоназвания радикально настроенной части русского общества. Во-вторых, в нем не было ничего уничижительного, как, например, в словах «лишние люди», «нигилисты» или «отщепенцы». Наоборот, интеллигенты – это лучшие люди страны («мозг нации» [15]) – все *знающие* и все *понимающие* и потому способные возглавить победоносное шествие народа по пути прогресса.

Учитывая расплывчатость слова «интеллигенция», прежде всего, необходимо уточнить, в каких основных значениях оно употреблялось в легальной народнической литературе. Таких значений можно выделить как минимум два: общеупотребительное и более узкое, собственно народническое.

Интеллигенция в широком или точнее общечеловеческом смысле – это наиболее образованная, просвещенная, умственно и нравственно развитая часть общества. Такое определение встречается у представителей всех народнических фракций. Например, Протопопов, защищая интеллигенцию от нападок консервативной печати, писал, что понимает под этим словом совокупность всех до известной степени образованных и критически мыслящих людей страны. Их политические пристрастия, как собственно и их нравственная позиция, пестрая, как мозаика, принципиального значения не имели [13, 128, 134]. Интеллигенция, – развивал ту же мысль Михайловский, – это не общественный класс, а «отвлеченный признак, объединяющий черты образованности и умственного труда в весьма различных общественных классах» [16]. Самое краткое определение интеллигенции дал А. С. Пругавин – это «все образованные люди страны» [17].

Состав интеллигенции, определяемой по формальным признакам, т. е. без учета ее национальной и классовой специфики, получался довольно пестрым и расплывчатым, как и у понятия «образованное и культурное общество». К ней относились не

только представители творческих профессий (ученые, писатели, художники), но и «аристократия умственного труда» – помещики, чиновники, духовенство [18, 181–182]. В 80-е гг. XIX в. в народнической публицистике появляется термин «сельская», или «деревенская», интеллигенция, к которой, наряду с низшим духовенством, учителями и фельдшерами, причислялись волостные писаря, становые и судебные приставы и даже деревенские кулаки на том основании, что все они возвышались в культурном отношении над общей массой деревенского населения [19].

Нас в большей мере интересует понимание интеллигенции как особой социальной группы, выделяемой теоретиками народничества из общей массы образованных людей на основе определенных объективных и субъективных признаков. Точнее речь пойдет о двух типах народнической интеллигенции, которые вошли в историю русской общественности как «семидесятники» и «люди восьмидесятых годов».

По мнению ряда народнических теоретиков, интеллигенция как социальная группа возникла в незапамятные времена первоначально в виде касты жрецов и шаманов. По мере развития просвещения и усложнения социальной структуры общества интеллигенция разделялась по сословиям и классам, чтобы обслуживать их духовные потребности и выражать их общие интересы. Лишь в новое время, когда под влиянием капитализма границы между сословиями начинают размываться, наряду с традиционной «кастовой» интеллигенцией наблюдается тенденция к консолидации образованных людей в особую социальную группу. Как правило, это были представители «свободных профессий» (писатели, врачи, учителя, деятели искусства). В дальнейшем эта разночинная интеллигенция могла стать новым общественным классом – профессиональных работников умственного труда [20, 25, 68].

Первым из народников о такой перспективе для молодой русской интеллигенции задумался Каблиц-Юзов. Он, в частности, обратил внимание на то, что, хотя ее представители вышли не из одного корня, у них был один связующий элемент – забота об увеличении количества и значения знаний в обществе. «Знание, – пишет Каблиц, – дает им и хлеб, и общественную силу, а потому естественно, что они должны заботиться о знании, т. е. о науке». Развивая эту мысль, публицист пришел к выводу, что съезды врачей, учителей, статистиков и т. п., а также всякие ученые общества являются «первич-

ными ячейками зарождающегося интеллигентного сословия» [21, 180–182].

И все же большинство идеологов легального народничества рассчитывало взять развитие самосознания разночинной интеллигенции под свой контроль и направить его по особому, если так можно выразиться, бессловному пути. Иными словами, они мечтали о формировании в России общенародной интеллигенции, опираясь на которую можно было начать подготовку к переустройству на новом социальном основании уже всей страны. «Отдельные классы, – писал С. Н. Южиков, – обыкновенно защищают свои классовые интересы; но из всех слоев выделяются сильные мыслью и богатые любовью единицы, которые видят дальше классовых интересов и лелеют идеалы общего прогресса, в конце концов, соответствующего интересам всех» [22, 171]. Правда, очень скоро с надеждами на изменение хода русской истории с помощью самоотверженных «единиц» пришлось расстаться и обратиться к разработке новой концепции интеллигенции, ориентированной на длительную созидательную работу непосредственно в народной среде.

Рассмотрим основные подходы к интерпретации природы русской интеллигенции и причины их эволюции в идеологии реформаторского народничества более подробно.

Первый подход – социально-этический. Такое название он получил, вероятно, потому, что его сторонники принадлежали к «этико-социологическому» (субъективному) направлению в отечественной социологии, отводившему личности и ее нравственным идеалам роль инициатора исторического прогресса. Теоретический фундамент под социально-этическую концепцию интеллигенции подвел Лавров своим учением о «критически мыслящих личностях», которых он противопоставил массам, привыкшим мыслить по определенному шаблону (т. е. в духе сложившейся культурной традиции). В легальном народничестве наибольший вклад в развитие и популяризацию данной концепции внесли Михайловский, Шелгунов и Кривенко.

Согласно социально-этическому подходу, интеллигенция – это совокупность лиц, объединенных общими идеалами и нравственными ценностями. Происхождение, образование и род занятий особого значения здесь не имели. Главный критерий для истинной интеллигенции, разумеется, с точки зрения народников, – служение народу и прогрессу. Вот несколько характерных их высказываний:

– «Интеллигенцию надобно понимать вне званий и сословий, вне размеров благосостояния и общественного положения. Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда *одну и ту же* задачу. Она всегда – свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу» (Г. И. Успенский) [23, 237];

– интеллигенция есть «собирательное название» междуклассовой группы; «... своих, особых, специальных интересов и задач эта новая интеллигенция... не имеет. Ее интересы отчасти (во всем, что касается свободы мысли и слова) совпадают с интересами всякой, в том числе и враждебной ей интеллигенции, а отчасти с интересами выдвинувшего ее общественного слоя» (Н. К. Михайловский) [24];

– «интеллигенция... не составляет какой-нибудь отдельной политической силы или экономического класса, а стоит вне их или разбита рукою случая, природы и исторических условий, по всем ним, но... это, тем не менее, не мешает ей иметь общие признаки и некоторые общие интересы и желания. Общие интересы эти и желания сводятся у нее теперь не к политическим и экономическим привилегиям и господству..., а к свободе слова, к свободе мысли и деятельности на общественную пользу...» (С. Н. Кривенко) [25, 108];

– «...интеллигенция в истинном смысле этого слова – класс лиц, преданных идее, заботящихся только об истине, класс по существу бессословный и потому способный правильно отнестись ко всякому предложению, объективно-критически разобрать каждую идею...» (В. П. Воронцов) [26, 135].

Все эти определения интеллигенции в конечном счете сводятся к одной идее. Это идея *бессословности*, или междусословности, русской интеллигенции, которую можно назвать ядром социально-этического подхода. Современные исследователи чаще всего трактуют бессословность как происхождение демократической интеллигенции из разных сословий общества. На самом деле народники, говоря о бессословности интеллигенции, хотели подчеркнуть, что по характеру исповедуемых идеалов она является не классовою, а *общественной* интеллигенцией. То есть акцент ставился на чистоте мотивов ее деятельности, на отсутствии у нее личных или, по меткому выражению Кривенко, «карманных» интересов, а не на социальном статусе, который по ряду параметров сближал ее с буржуазией.

В своих статьях в защиту передовой интеллигенции, вступившей в неравную схватку с самодержавно-бюрократическим строем, народнические публицисты стремились выделить как можно больше положительных черт ее духовного облика, которые могли вызвать сочувствие и поддержку в обществе. Попытаемся обобщить наиболее характерные из них в виде некоего собирательно портрета.

Итак, что, по мнению идеологов легального народничества, определяло сознание и поведение передовой интеллигенции 1870-х – начала 1880-х гг.?

Первая черта – *идейность*. Она связана с особым типом мышления интеллигенции. По убеждению народников «Отечественных записок» и «Дела», настоящий интеллигент – не всякий, кто думает. «Надо знать, что думать, надо уметь думать...» [8, 71]. Интеллигенция думает только в направлении общей пользы, имеет в виду общее совершенствование, благо всей Родины, всего человечества; мыслит критически, т. е. осознает необходимость отрицания существующего порядка, традиций, авторитетов во имя «духа времени», требующего удовлетворения «законных потребностей массы»; верит в прогресс, в возможность с помощью науки и просвещения регулировать и направлять экономическую жизнь общества в сторону социальной справедливости [27].

Лучшую характеристику радикальной русской интеллигенции дал Оболенский, назвав ее (со ссылкой на автора «Исторических писем») партией, которая «совершает прогресс» [28, 131]. То же определение, но в более развернутой форме привел в воспоминаниях о Михайловском Н. С. Русанов. Обобщая высказывания своего кумира об интеллигенции начала 1880-х гг., он пишет, что «в сущности здесь разумеется не группа ученых мандаринов, измеряющих свою умственность количеством полученных дипломов, и даже не просто так называемые культурные люди, могущие членораздельно выражать аппетиты различных привилегированных классов, но то, все растущее по мере прогресса, ядро служителей убеждения... авангард русской прогрессивной армии» [29, 164].

Вторая черта – *морализм*. Только настоящая интеллигенция может подняться над уровнем личных и групповых интересов и принести их в жертву идее всеобщего блага и процветания, руководствуясь нравственными убеждениями. По удачному определению В. Г. Короленко, интеллигентность – это и есть умение заражаться чужими настроениями, интересами, нуждами [30, 152].

Моральный кодекс новой русской интеллигенции в интерпретации народнических теоретиков включал следующие нормы и принципы: *народоло-*

бие как категорический императив, т. е. всеобщий нравственный закон; *совестливость* (обостренное чувство личной ответственности за положение дел в стране); комплекс *вины* перед народом, за счет «волевой работы и кровавого пота» которого интеллигенция получила возможность развиваться и познавать, что есть истина и справедливость; *сострадание* ко всем «униженным и оскорбленным»; неприятие эгоизма, индивидуализма, карьеризма, стремления к наживе, внешнему успеху, как норм поведения, присущих, по мнению народников, капиталистическому миру [31].

Сведение всех этих нравственных правил вместе создает образ интеллигента – закоренелого *альтруиста*, который видит смысл своего существования в уплате нравственного долга народу. Мысль о том, что интеллигенция «постольку и существует, поскольку нужна народу, и *до тех пор* существует, пока в ней имеется необходимость, как в отдельной, дифференцированной силе...» [32, 281], красной нитью проходит через всю легально-народническую публицистику 70–90-х гг. XIX в.

Еще одна отличительная черта общественной интеллигенции – это ее *поведенческая активность* (активная гражданская позиция). Она проявилась в таких характерных для народнической интеллигенции качествах, как оппозиционность власти и существующему общественному строю; подвижность (готовность принести себя в жертву ради высокой цели); мужество и стойкость в борьбе за реализацию поставленных целей [33].

Перечисленные качества, конечно, в большей степени были свойственны революционной интеллигенции 1870-х – начала 1880-х гг. Недаром за народничеством этого времени закрепились эпитеты «активное» и «действенное». Но, учитывая, что в народ вместе с революционерами ходили и мирные народники, можно предположить, что эта характеристика распространялась идеологами легального народничества и на них.

Интересно узнать, представители каких сословий, профессий и убеждений отвечали перечисленным выше субъективным критериям высшей интеллигентности? В народнической публицистике можно найти ответ и на этот вопрос.

Сторонники социально-этической концепции интеллигенции уверяли своих последователей, что наличие высшего образования (даже диплома доктора наук) еще не дает право считать себя интеллигентным человеком. Не являлись интеллигентами и представители консервативного лагеря (М. Н. Катков, И. С. Аксаков, А. С. Суворин), пос-

кольку они находились в «вассальной» зависимости от власти и буржуазии. По той же причине от интеллигенции отлучались чиновники, военные и духовенство, служившие «антинародному» государству. Все они попадали под уничижительное словечко «псевдоинтеллигенция» [34]. Зато, по признанию Кривенко, настоящими интеллигентами могли стать простые пахари, пастухи и рабочие, изучавшие «неписанную мудрость» и «много думавшие» над жизнью [35, 308].

Сколько выходцев из простого народа превратилось в идейных народников (Желябовых и Халтуриных), точно неизвестно. Но ядро бессословной интеллигенции составляли явно не они, а представители свободных, преимущественно гуманитарных профессий. «Мы интеллигенция, – заявлял, например, Михайловский, потому что мы много знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой...» [36]. Безусловно, профессиональные навыки сделали из этих людей превосходных генераторов и распространителей в обществе новых идей, в том числе и народнических. В сословном отношении большая их часть принадлежала к привилегированным слоям общества, что, кстати, и было зафиксировано Михайловским в крылатом выражении «кающиеся дворяне». Что касается рядового состава новой интеллигенции, то ведущее положение здесь занимали недоучившиеся студенты-разночинцы, мечтавшие посвятить свою жизнь борьбе за свободу народа.

Таким образом, настоящая русская интеллигенция представлялась сторонникам социально-этического подхода в виде совершенно особой социальной группы дворянско-разночинского происхождения, отличающейся от остального населения критическим типом мышления, альтруистической моралью и высокой гражданской активностью [37].

Сегодня, читая откровенные панегирики в адрес радикально-демократической интеллигенции, вышедшие из под пера Михайловского и его идейного окружения, невольно начинаешь думать: а была ли она так хороша в реальной жизни, или все, что цитировалось выше, – это очередной героический миф, созданный идеологами народничества и внедренный в массовое сознание?

Еще в начале XX в. небызвестный Андреевич утверждал, что никакой особенной интеллигенции в пореформенной России вообще не существовало (по крайней мере, в 60-70-е гг. XIX в.), а была только радикальная молодежь и несколько писателей [38, 247]. И сейчас некоторые историки и

публицисты по-прежнему убеждены, что в обсуждении проблемы народнической интеллигенции речь может идти скорее о феномене группового сознания, чем о реальных носителях нового мировоззрения и нравственности.

Нет нужды доказывать, что в общественном движении последней трети XIX в. были люди, преисполненные поистине религиозной веры в свой народ и готовые откликнуться на призыв Н. Н. Златовратского: «Ничего не жалеть для его блага – ни жизни, ни благополучия. Руби сук, на котором сидишь» (т. е. жертвуй ради народа всем, что имеешь) [39, 125]. Об идейности, оппозиционности и демократизме как имманентных качествах передовой русской интеллигенции свидетельствуют сотни воспоминаний, автобиографий и писем реальных участников событий тех лет, хотя и они требуют к себе критического отношения. Обращает на себя внимание другое.

Идейно-нравственные силы русской интеллигенции олицетворяли не только В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, П. А. Кропоткин, В. И. Засулич, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, чьи политические биографии вызывают, по крайней мере, уважение [40]. В ее рядах было немало экстремистов и даже авантюристов, исповедовавших принцип «цель оправдывает средства». Достаточно вспомнить об одиозной фигуре С. Г. Нечаева, наиболее ярко воплотившего теневую сторону интеллигентского радикализма [41, 174].

Тот факт, что созданный в работах народнических теоретиков из «Отечественных записок» и «Дела» образ новой интеллигенции был лишен каких-либо принципиальных недостатков, имел под собой веские причины. В 70-е – начале 80-х гг. XIX в. народническое движение находилось на подъеме и перед его теоретиками стояла задача не критиковать радикальную молодежь (с этим успешно справлялись идейные противники народников), а предоставить ей *идеал* истинной интеллигенции как образец для подражания [42]. Не случайно реконструированный нами собирательный портрет радикально-демократической интеллигенции получился слишком абстрактным, как и любая другая идеальная конструкция. Главное, что он оказался очень привлекательным для определенных кругов идейной молодежи [43]. Каждому движению нужны свои герои и мученики, в которых верят и которым стремятся подражать.

Нельзя сказать, что все легальные народники относились к «людям семидесятых годов» только с пиететом. Сомнения в том, что России нужны

именно «критически мыслящие личности», возникли у ряда народнических теоретиков (в основном из газеты «Неделя») сразу же после провала «хождения в народ». К началу 1880-х в связи с ростом в стране революционного насилия и антиинтеллигентских настроений в народе и обществе настороженное отношение к подполью правых народников сменилось резкой критикой мировоззрения и деятельности всей русской радикально-демократической интеллигенции.

Главными разоблачителями культа «героев» и «борцов за народное дело» стали Каблиц-Юзов и Оболенский. Позже критические замечания в адрес представителей «партии прогресса» зазвучат из уст Воронцова и Кривенко, не говоря уже о народниках крайне правой ориентации. Попробуем суммировать отмеченные ими недостатки «идейной» интеллигенции.

Прежде всего, радикальная интеллигенция обладала слишком абстрактным мышлением. Ее внутренний мир был полон грез и фантастических планов (например, как исцелить человечество от всех общественных недугов) и совершенно оторван от реальной жизни, исторических связей и традиций. Еще одна слабость интеллигентской мысли – это ее несамостоятельность, проявившаяся в излишнем увлечении «непродуманными» западными теориями, обещавшими «все и сразу». В результате отечественная интеллигенция не умела понять потребностей «ниже европейских требований», ее «заел» авторитет чужой мысли [44]. Логическим следствием перечисленных недостатков было пренебрежение интеллигенцией вопросами текущего дня, «сегодняшней мелочной действительности», тысячами нитей связанной с первоочередными потребностями народных масс. Заботясь о счастье и процветании будущих поколений, она отрицала насущные средства помощи, которые, по словам Оболенского, «могли бы исцелить насущные недуги» [45, 218].

Правые народники очень точно подметили причину неспособности интеллигенции 1870-х гг. оказать позитивное влияние на дальнейшее развитие страны. Это ее неукорененность в настоящем, отрыв от неотложных задач русской жизни, связанных с общим подъемом благосостояния и культуры народа. Революционная интеллигенция стремилась форсировать процесс политической и экономической демократизации страны, чтобы в кратчайшие сроки (долго ждать она не могла) пройти путь, который у народов Западной Европе занял не одну сотню лет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ее гражданская скорбь оказалась бесплодной.

Новые практические задачи, которые хотели поставить перед демократической интеллигенцией идеологи «малых дел», потребовали от них разработки и новой концепции самой интеллигенции. Дело в том, что переориентация на «тихую» и малозаметную «культурную работу» противоречила мировоззрению русского радикала – убежденного сторонника «больших» дел, совершаемых быстрыми (экстраординарными) средствами [46]. Интеллигенцию, способную посвятить себя созидательному труду в деревне или земстве, нужно было воспитывать. Требовалось создать привлекательный образ простого, честного интеллигентного труженика – героя невидимого, тяжелого, будничного труда, который должен был открыть путь для подлинного расцвета народной жизни [47, 175–176].

Вторую народническую концепцию интеллигенции условно можно назвать социально-экономической, потому что она основывалась на представлении об интеллигенции как о работниках умственного труда. Не всякого, конечно, а требующего специального образования – технического, медицинского, педагогического, юридического, художественного. Интеллигенция – это «люди специального знания» (Я. В. Абрамов); «обособленный умственный труд» (С. Н. Кривенко); «проповедники разного рода идей» (И. И. Каблиц); «особый обширный профессиональный класс лиц» (В. П. Воронцов). Во всех определениях профессиональное занятие умственным трудом признается в качестве главного условия принадлежности к интеллигенции.

Деление людей на работников мускульного (физического) труда и работников мысли, т. е. на «народ» и «не-народ», является одним из главных постулатов народнической доктрины. Однако социально-экономический подход к пониманию природы интеллигенции, впервые обоснованный еще в статьях Д. И. Писарева [48], долгое время отвергался теоретиками инакомыслия как не соответствующий ее основному предназначению – распространению в обществе новых идей. Восприятие интеллигента как «культурного работника» утвердилось в народнической литературе лишь в 80-е г. XIX в.

К этому времени в жизни русского общества произойдут важные перемены. Во-первых, альтруизм, свойственный народнической интеллигенции семидесятых годов, практически сойдет на нет. Во-вторых, под влиянием реформ 1860–1870-х гг. и развития капитализма увеличится общее количе-

ство образованных людей в стране. Наряду с гуманитарной интеллигенцией (писателями, учеными, врачами, учителями), которая раньше придавала окраску умственной жизни общества, вырастут кадры технической интеллигенции (инженеры, технологи, агрономы), более ориентированные на государственную службу [49]. Сама жизнь раздвигала узкие рамки интеллигентности, отводимые ей теоретиками радикального народничества.

Идя навстречу этим изменениям, идеологи народничества 1880-х гг. включают в состав интеллигенции *всех* работников умственного труда, всех, по словам Каблицы, «руководителей народа во *всех* сферах его жизни», а именно: учителей, духовенство, военных, промышленников, сельских хозяев, торговцев и, наконец, чиновников и администраторов [50].

Однако подвижки во взглядах на интеллигенцию правых народников имели свои пределы, выйти за которые можно только расставшись с догматами народнической идеологии, поэтому основным критерием истинной интеллигентности по-прежнему оставалось отношение к идее долга перед народом представителей образованных классов. «Настоящая» интеллигенция могла теперь не разделять всех народнических убеждений, но служить народу *по мере сил и возможностей* была обязана, как и прежде. С этой точки зрения социально-экономическая концепция интеллигенции была такой же идеологизированной как и социально-этическая.

Обозначим главные положения концепции трудовой интеллигенции. Условно их можно представить как ответы на три вопроса.

Первый вопрос: что интеллигентный человек умеет делать? Истинный интеллигент – это не желторотый юнец, не успевший закончить своего образования, но уже возмнивший себя спасителем отечества. Это хороший *профессионал* и деловой человек, т. к. он знает свое дело не только в теории, но и на практике. Второй вопрос: чем этот профессионал руководствуется в своей деятельности? Если жаждой личного обогащения, то это делец-хапуга, а не интеллигент. У настоящей интеллигенции обязательно должно быть развито *чувство стыда* перед народом, на средства которого она получила свое образование, и желание вернуть ему свой долг, путем посильного служения народным нуждам. Иначе говоря, ей вовсе не чужды идеальные стремления и требования совести. И, наконец, третий вопрос: как «совестливый человек» зарабатывает себе на хлеб? Если путем прямой или кос-

венной эксплуатации чужого (народного) труда, то он бесчестный человек. Новое понимание интеллигентности предполагало добывание средств к жизни своим *собственным трудом*, работая прямо на народ. [51]

Таким образом, наличие объективного критерия принадлежности к интеллигенции (умственный труд) не мешало народникам по-прежнему субъективно делить ее на «народную», т. е. заботившуюся о подъеме народного благосостояния и культуры, и «ненародную» – эксплуататоров (врагов) народного труда.

К «лучшим» представителям народной интеллигенции относились земцы, учителя и учительницы начальных школ, «захолустные» судьи, часть сельского духовенства, «читающая» интеллигенция из крестьянства и мещанства [52]. В народнической литературе за ними закрепилось название «культурных одиночек». В разных видах и качествах приходили эти люди в деревню. Но, по словам Кривенко, врача Г. Таирова, сельских учителей Г. М. Орла и А. А. Штевен, устроителя артельных сыроварен Н. В. Верещагина, и многих других, им подобным, объединяло стремление нести в деревенскую тьму «свою душу и знания». Эти люди энергичны и деятельны, что особенно выделяло их на фоне «безразличной» и «пассивной» общественной среды. Они не герои, но стремились выполнить то, что при иных условиях «должно было бы делать все образованное общество» [53].

Значительно расширив границы интеллигенции как социальной группы, но сохранив жесткие критерии «истинной» интеллигентности, народники «Недели» и «Русского богатства» 1880-х – первой половины 1890-х гг. вынуждены были постоянно указывать «культурным работникам» на издержки их воспитания и идейно-нравственной позиции. К ним чаще всего относились: пренебрежение к практическому труду, который многими представителями образованного общества считался чем-то унизительным; привычка «жить на чужой счет, есть, пить и веселиться», пользуясь в полной мере выгодами своего привилегированного экономического положения; стремление к «местам», «жалованию» и «службе»; преобладание эгоистического индивидуализма над духом общинности, любви и братства (нравственное перерождение); «дефект совести» (забвение идеи долга народу и прочих идеальных стремлений, негативное отношение к мужику) [54].

В конечном итоге постепенное «обмещание» отечественной интеллигенции, все боль-

ше попадавшей под власть капитала, заставит легальных народников признать ее вращение в структуру нарождающегося в России буржуазного общества, интересы и стремления которого, по убеждению всех русских радикалов, шли вразрез с интересами народных масс. Лишь некоторые группы работающей интеллигенции будут соприкоснуться (по своему материальному положению и образу жизни) с четвертым сословием [55, 13]. По этим причинам с 80-х гг. XIX в. народнические теоретики самое пристальное внимание будут уделять именно «культурному пролетариату», пытаясь доказать ему, что будущее трудовой интеллигенции связано не с утверждением в стране капитализма, а с развитием «народного производства». [56]

Сравнивая между собой две народнические концепции русской интеллигенции, легко убедиться, что по вопросу об общественной природе этого феномена они были диаметрально противоположны. Одни легальные народники утверждали, что интеллигенция – это совершенно особая бессловесная социальная группа, формирующаяся по идейно-нравственным признакам. Другие настаивали на социально-экономических критериях отбора, т. к. определяли интеллигенцию как новый интеллигентный класс-сословие, состоящий из профессиональных работников умственного труда.

Причины столь существенных разногласий обусловлены различиями в концепциях роли и места интеллигенции в предстоящих общественных преобразованиях страны, которые отстаивали представители левого и правого крыла легального народничества. Левые (Н. К. Михайловский и его ближайшее окружение) рассматривали интеллигенцию в качестве главной руководящей и направляющей силы. Поэтому от «настоящей» интеллигенции требовались идейность и готовность к самопожертвованию во имя осуществления ее народнических идеалов. Правые (И. И. Каблиц и публицисты «Недели») отводили интеллигенции сугубо служебную роль – подготовку народа к предстоящим радикальным изменениям его традиционной культуры и быта. Сражаться и умирать ради светлого будущего здесь уже не требовалось. Достаточно было сознательно и честно выполнять какое-нибудь практически полезное для народа дело.

В то же время все народники-реформисты признавали в качестве главного критерия истинной интеллигентности деятельное служение народным массам (в различных его формах). Наличие общего подхода к решению проблемы интеллигенции позволило представителям умеренного течения в

народничестве 1880–1890-х гг. (Оболенский, Воронцов, Кривенко) объединить идейную и трудовую интеллигенции в общенародную. Ядро этой интеллигенции (своеобразную народническую элиту) составляли ее идейные борцы, для которых служение народу стало смыслом существования; основной состав – представители массовых интеллигентских профессий (тип «среднего» интеллигента – практика). Такое распределение сил внутри демократической интеллигенции отвечало стремлению народников-реформистов к консолидации сторонников «больших дел» (их тогда называли «политиками») и «малых дел» (представителей земской интеллигенции).

Таким образом, предложенные легальными народниками внешне противоположные концепции интеллигенции на самом деле имели прочную внутреннюю связь, обусловленную ориентацией народнической доктрины на подготовку и осуществление программы политической и экономической демократизации страны. Кроме того, учитывая, что сами народники определяли этическую концепцию интеллигенцию как тезис семидесятников, а экономическую как антитезис 1880-х гг., можно утверждать, что именно в противодействии друг другу заключался главный источник их дальнейшего развития и совершенствования. Все это позволяет рассматривать идейную и трудовую интеллигенции как различные формы отражения одного и того же исторического явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Под передовой интеллигенцией в данной статье понимаются сторонники общественного прогресса (народники, либералы, марксисты). В последней трети XIX в. им противостояла так называемая «консервативная» интеллигенция, стремившаяся, по выражению К. Н. Леонтьева, «подморозить Россию, чтобы она не гнила».

2. Самарцева Е. И. Российская интеллигенция до октября 1917 года (историографический очерк). Тула, 1998; Романовский С. И. Нетерпение мысли, или Исторический портрет радикальной русской интеллигенции. СПб., 2000; Диденко П. И. Интеллигенция как субъект российской истории. Волгоград, 2003; Карначев М. Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 20; Гидиринский В. И. Русская интеллигенция в истории России. М., 2005.

3. Подробнее о слове «интеллигенция» см.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX вв. М.; Л., 1965. С. 144–149; Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 610–628.

4. В настоящее время популярна версия о польском происхождении слова «интеллигенция». См., напр.: Панфилов А. К. О слове интеллигенция // Вопросы языкознания и русского языка. М., 1970. С. 362–373; Виноградов В. В. История слов. М., 1994. С. 228; Бельчиков Ю. А. К истории слов интеллигенция, интеллигент // Филологический сборник. М., 1995. С. 63. Критику этой точки зрения см.: Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы междунар. конф. М.; Венеция, 1999. С. 7–8.

5. См.: Хорос В. Драма интеллигенции // СССР: демографический диагноз. М., 1990.

6. Боборыкин П. Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12.

7. Катаев В. Б. Боборыкин и Чехов (К истории понятия «интеллигенция» в русской литературе) // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.

8. См.: Языков Н. [Шелгунов Н. В.] Теперешний интеллигент // Дело. 1875. № 10; [Лавров П. Л.] Роль народа и роль интеллигенции // Вперед. 1876. № 34; Пясковский М. Л. Задачи русской интеллигенции // Русское обозрение. 1877. № 12/13; Оболенский Л. Е. К истории развития нашей интеллигенции // Свет. 1879. № 10.

9. Кривенко С. Н. Собр. соч.: в 2 т. СПб., 1911. Т. 2.

10. Вологдин [Засодимский П. В.] Народолюбцы // Русское богатство. 1881. № 10.

11. [Карнович Е. П.] О слиянии «интеллигенции» с народом // Отголоски. 1880. № 32. С. 499–500. «Неудачным» слово «интеллигенция» называли также В. А. Гольцев и А. Н. Пыпин. См.: Гольцев В. Дневник общественной жизни и печати // Московский телеграф. 1881. 27 октября. № 297; В-н А. [Пыпин А. Н.] Теории народничества // Вестник Европы. 1892. № 10.

12. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1880–1882. Т. 2.

13. Морозов Н. [Протопопов М. А.] Медь звенящая (По поводу двух генеральских речей и нескольких обывательских статей) // Устои. 1882. № 2.

14. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.: в 10 т. СПб., 1906–1913. Т. 5. Стб. 508, 539, 540.

15. Известное выражение «интеллигенция – мозг нации» одним из первых употребил С. А. Венгеров в статье «Литературные заметки». См.: Устои. 1882. № 9–10. С. 89.

16. Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 7. Стб. 680.

17. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895. С. IX, XVI. См. также: Оболенский Л. Е. Народники и марксисты // Исторический вестник // 1899. Т. 76. № 4. С. 222; Энгельгардт Н. Лженародничество // Книжки «Недели». 1896. № 11. С. 284; Ясинский И. И. Суд над интеллигенцией (По поводу сб. «Вехи») // Новое слово. 1909. № 8.

18. Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 1. С. 212, 367; Юзов [Каблиц И. И.] Будущность сословий // Русское богатство. 1885. № 1.

19. См.: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. № 10. Стб. 309; Н.Д. Сельская интеллигенция // Неделя. 1888. № 33. Стб. 1048, 1051; Сумцов Н. Ф. Деревенские разговоры. Из личных впечатлений // Книжки «Недели». 1893. № 9. С. 97, 100, 105; М.О.М. [Меньшиков М. О.] Отклики. (Фельетон) // Неделя. 1899. № 40. Стб. 1313; В. В. [Воронцов В. П.] Культурные силы деревни // Сын Отечества. 1899. 5 июля. № 178. С. 2.
20. См.: [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ. Стб. 312; Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования. СПб., 1887. С. 275; В.В. [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1893. С. 25, 68.
21. Юзов. Будущность сословий.
22. Южаков С. Н. Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 2.
23. Успенский Г. И. Из разговоров с приятелем. «Интеллигентный» человек // Успенский Г. И. Собр. соч.: в 9 т. М., 1957. Т. 5.
24. Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 508, 540.
25. Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2.
26. В.В. [Воронцов В. П.] Из истории нашего общественного развития // Северный вестник. 1888. № 12.
27. См.: Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 681; Кривенко С.Н. Собр. соч. Т. 2. С. 104, 112; Алкандров [Скабичевский А. М.] Литература в жизни и жизнь в литературе (Письма к читателям) // Устои. 1882. № 1. С. 85; Южаков С. Н. Указ. соч. С. 171; Языков Н. Теперешний интеллигент. С. 72.
28. Н.Н. [Оболенский Л. Е.] Литературные заметки. Одному журнальному органчику // Мысль. 1881. № 1.
29. Кудрин Н.Е. [Русанов Н. С.] Н. К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство. 1905. № 1.
30. Короленко В. Г. Разговор с Толстым // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1955. Т. 2.
31. См.: Алексеев Л. [Паночини Л. А.] Почему вскипел бульон и почему теперь только мы обращаем на это свое внимание // Русское богатство. 1880. № 12. С. 69–70; Кривенко С.Н. Физический труд... С. 266; Протопопов М. Глеб Успенский // Русская мысль. 1890. № 9. С. 94; В.В. Наши направления. С. 66–68, 209–212.
32. Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2.
33. См.: Алексеев Л. Указ. соч. С. 70; Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 540; Успенский Г.И. Указ. соч. Т. 5. С. 400; Н.Ш. [Шелгунов Н.В.] Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 2. С. 204.
34. Михайловский Н.К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 509–510.
35. Кривенко С. Н. Собр. соч. Т. 2.
36. Михайловский Н. К. Указ. соч. Т. 5. Стб. 538.
37. Подробнее см.: Дворкин В. З. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 131–139.
38. Андреевич [Соловьев Е.А.] Опыт философии русской литературы. СПб., 1909.
39. Телешов Н.Д. Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1966.
40. Многие лучшие нравственные качества передовой интеллигенции воплотили в своей жизни легальные народники, например, С. Н. Кривенко. «Сереженька, – часто повторял хорошо знавший его Н. К. Михайловский, – это какой-то образ (икона. – Г. М.), сорвавшийся со стены». См.: Пименова Э. К. Дни минувшие. Воспоминания. Л. ; М., 1929. С. 151.
41. См.: Минаков А. Ю. У истоков левого терроризма: С. Г. Нечаев и нечаевское дело // Власть и общественное движение в России имперского периода. Воронеж, 2005.
42. Подробнее о значении мифов в формировании самосознания русской интеллигенции см.: Акоюн К.З. Соль земли? (интеллигенция как феномен русской культуры) // Человек. 1996. № 1. С. 43, 44; Кустарев А. Вебер и Россия, или приключение ткача в стране бичей и знахарей // Рубежи. 1997. № 5. С. 109; Живов В. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. № 3 (37). С. 37;
43. По справедливому замечанию Мишеля Леруа, «качество мифа определяется не его правдоподобностью, не его соответствием реальной жизни (оно может быть совсем ничтожным); единственный критерий для оценки мифа – его эффективность». См.: Леруа М. Миф о иезуитах, от Беранже до Мишле. М., 2001. С. 417.
44. См.: П. Ч. [Червинский П. П.] Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1429; [Оболенский Л.Е.] Причины наших страданий (Посвящается недовольным жизнью) // Мысль. 1880. № 10. С. 218; В.В. Из истории нашего общественного развития. С. 125; Меньшиков М. Две правды // Книжки «Недели». 1893. № 4.
45. [Оболенский Л. Е.] Причины наших страданий. С. 218.
46. См.: Каблиц И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 46–48, 53–57, 70–72, 82.
47. ...енск... [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 175, 176.
48. См.: В-вь В. [Водовозов В. В.] Интеллигенция // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1911. Т. 19. Стб. 537; Павлова Н. Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: (историко-философский анализ): Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994. С. 28–29, 38–40.
49. Подробнее см.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
50. См.: [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции // Неделя. 1884. № 8. Стб. 252. Ср.: [Воронцов В. П.] В семидесятых годах // В.В. [Воронцов В.П.] От семидесятых годов к девяностым: Сб. ст. СПб., 1907. С. 27.
51. См.: Юзов И. [Каблиц И. И.] Деревня и город // Русское богатство. 1883. № 1. С. 212; Созерцатель [Оболенский Л.Е.] Обо всем // Русское богатство. 1884. № 12. С. 707; Абрамов Я. Под столичным давлением //

Неделя. 1886. № 26. Стб. 869; Д.Ж. [Лаврский К.В.] Сомнения относительно «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 51. Стб. 1648.

52. *Абрамов Я.* «Неделя» и П. А. и В. А. Гайдебуровы // Юг. 1894. № 117. С. 3. Более подробно вопрос о значении термина «народная» интеллигенция в народной литературе будет рассмотрен в следующей главе.

53. *Кривенко С. Н.* На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 111, 112, 216, 233–236.

54. *Оболенский Л.* Интеллигентная неумелость // Русское богатство. 1887. № 11. С. 235; [Абрамов Я. В.]

Безместная интеллигенция // Неделя. 1888. № 45. Стб. 1419; Д.Ж. [Лаврский К. В.] Практика «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 21. Стб. 674–675; *Меньшиков М.* Без воли и совести // Книжки «Недели». 1893. № 1. С. 209.

55. *Кривенко С. Н.* Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1906. № 10.

56. См.: [Воронцов В.П.] Капитализм и русская интеллигенция // В.В. От семидесятих годов к девяностым. С. 28, 54, 57; Юзов. Будущность сословий. С. 181–182; [Оболенский Л.Е.] Представляет ли собою интеллигенция общественный класс? // Новое слово. 1896. № 7. С. 111, 115.